

AZƏRBAYCAN MİLLİ ELMLƏR AKADEMİYASI

XƏBƏRLƏR

İCTİMAİ ELMLƏR SERİYASI

NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF AZERBAIJAN

TRANSACTIONS

SERIES OF SOCIAL SCIENCES

№2, 2018

REDAKSIYA HEYƏTİ:

Nailə Vəlixanlı (*baş redaktor*), Yaqub Mahmudov (*baş redaktorun müavini*), İsmayıl Hacıyev, Nərgiz Axundova, İlham Məmmədzadə, Teymur Bünyadov, Maisə Rəhimova, Məsumə Məlikova, İlyas Babayev, Şahin Mustafayev, Musa Qasımlı, Nazim İmanov, Fərhad Cəbbarov (*məsul katib*)

EDITORIAL BOARD:

Naila Velikhanli (*Editor-in-chief*), Yagub Mahmudov (*Assistant editor-in-chief*), İsmayil Hacıyev, Nərgiz Akhundova, İlham Məmmədzadə, Teymur Bunyadov, Maisə Rəhimova, Masuma Melikova, İlyas Babayev, Şahin Mustafayev, Musa Gasimli, Nazim İmanov, Farhad Jabbarov (*Managing editor*)

MÜNDƏRİCAT

İsmayıl Hacıyev. <i>Azərbaycanın qədim dövlətlərinin tarixində Naxçıvanın yeri</i>	4
Марзия Искендрова. <i>Новый взгляд на российско-сефевидские и российско-каджарские договоры xviii – начало XIX вв. (историографический анализ)</i>	14
İlqar Hacıyev. <i>XIX əsrin sonu – XX əsrin əvvəllərində baki neft sənayesində iş saatına dair ("Neftyanoye delo" qəzetinin materialları əsasında)</i>	23
Малахат Фараджева. <i>К вопросу культуры исторической интерпретации петроглифов Гобустана</i>	37
Vəli Baxşəliyev. <i>Naxçıvan təpə yaşayış yerində arxeoloji tədqiqatlar</i>	52
Hidayət Cəfərov. <i>Qarabağın Kür-Araz mədəniyyəti dövrü qəbir abidələri artefaktlarının tərkibi və təhlili</i>	73
Bəxtiyar Cəlilov. <i>Cənubi Qafqazda erkən kurqan mədəniyyəti dövrü paleoekoloji şərait</i>	81
Elmar Baxşəliyev. <i>Naxçıvan təpə yaşayış yerinin boyalı keramika məmulatı</i>	91
Fizə Quliyeva. <i>Naxçıvanın son tunc və erkən dəmir dövrü bədii metal məmulatının hazırlanma üsulları</i>	100
Anar Ağalarzadə. <i>Lerik rayonunun son tunc-erkən dəmir dövrü qəbir abidələrindən Jak De Morqanın aşkar etdiyi silahlar haqqında</i>	106
Turan Həşimova. <i>Qızqalası yaşayış yeri</i>	114
Tarix Dostiyev. <i>Orta əsr Şəmkir şəhər yerindən tapılmış zərnaxışlı fayans məmulatı haqqında</i>	122
Esmira Cavadova. <i>Əkinçilik təsərrüfatının yaxşılaşdırılmasında "Əkinçi"nin rolu</i>	131
Bahar Əmənova. <i>Xalq yazıçısı Əli Vəliyevin yaradıcılığında xalq oyun və əyləncələrinin əksi</i>	136
Xalid Niyazov. <i>Dövlət informasiya siyasətinin ictimai həyata təsir dairəsi</i>	142
Əbülfəz Hüseynov. <i>Hüquq və globalaşma: problemlər və inkişaf meylləri</i>	148
Eldar Həsənov. <i>Narkomaniya – qitələri "birləşdirən" ölüm körpüsü</i>	163
Oruc Məmmədov. <i>Dövlət qulluqçularının əmək hüquq subyektiyi: nəzəri-metodoloji və hüquqi əsasları</i>	170
Fərid Hətəmzadə. <i>Rəqəmsal iqtisadiyyat və vergi</i>	184
Mirəli Kazımov, Günay Cəfərli. <i>Kriptovalyuta - Bitcoin (BTC) Virtual aləmin real pul vahidi, yoxsa real aləmin virtual aktivi</i>	189

UOT 902

МАЛАХАТ ФАРАДЖЕВА

*(Государственный историко-этнографический заповедник Гала)***К ВОПРОСУ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ПЕТРОГЛИФОВ ГОБУСТАНА**

Ключевые слова: петроглифы Гобустана, пещера Ана зага, Беоюгдаш, Кичикдаш, культурный ландшафт археологического комплекса Гобустан

Культурно-историческая интерпретация петроглифов Азербайджана является предметом специального исследования и в этом направлении издано немало публикаций. Интерпретация петроглифов всегда была дискуссионной темой ввиду того, что каждый исследователь имел свою точку зрения и индивидуально подходил к трактовке изображений. Поэтому насчет интерпретации петроглифов Азербайджана существуют разные мнения, порой противоречащие друг другу.

Пол Тайсон считает, что при интерпретации наскального искусства в первую очередь необходимо анализировать форму, технику, стиль, местонахождение, контекст выполнения рисунков и их изменения в течение времени. Кроме этого, приводя аналогии надо нужно выбирать материалы тщательно, обращая внимание на некоторые формы значения петроглифов (22, с.110 - 123). Он также отмечает, что прежде чем развивать теорию, нужно выделить несколько уровней интерпретации, три из которых надо обязательно принять во внимание. Первый включает в себя то что изображено, т.е. предмет обсуждения, тематику. Второй уровень заключается в причине, почему данная тема была изображена, Третий уровень интерпретации имеет четыре суб-части:

(а) что изображение значит для исполнителя рисунка;

(в) что означало данное изображение для сообщества, которое создало его;

(с) какое культурное значение имеет это изображение с точки зрения постороннего; и

(d) какова глобальная значимость изображения в связи с нынешними теориями, моделями и гипотезами о развитии человечества в версиях ученых (22, с.112).

Некоторые ученые, как Лесли Мейнард считают, что искать смысл и значение в наскальном искусстве бесполезно, вместо этого он фокусируется на архелогических данных: датировке, типологическом изучении и соотносит их с другими аспектами культуры и окружающей среды. Этот подход был принят многими учеными, но в начале 90-х годов прошлого столетия этот метод стал непопулярным из-за выдвинутого подхода Роберта Лейтона. Свидетельство сосуществования стилей наскального искусства аборигенов Австралии, ассоциирующихся с различной функциональной ситуацией, таких как магия и фигуры предков или бытовых и религиозных тем, аргументируется против однолинейной эволюционного типа модели, предложенной МакКарти (1962,1988) и Мейнардом (1979). Тем не менее, здесь присутствует археологическое свидетельство в изменении содержания, стиля и распространение наскального искусства в течение времени. Таким образом, Лейтон был против «сближения метода», т.е. комбинирования антропологического и археологического подходов (22, с.115). Однолинейный тип модели был заброшен, когда возросло использование этнографических материалов в археологическом анализе. В то же время, фокусирование на этнографическом изучении наскального искусства

становится модным, результатом которого является оценка моделей, хронологий и интерпретаций (17, с.3-36). Тем не менее, этнография может быть использована только в определенной ситуации: когда люди культурно связаны с художниками имеющегося наскального искусства или где этнографические данные могут пролить свет на наскальный рисунок (22, с.110 -123).

Результаты исследования

В Гобустане смена стилей и периодов особенно ярко проявляется на верхней террасе горы Беюкдаш на камне 29 с северной стороны [Рис. 1]. Археологами на этом камне было зафиксировано 77 изображений. В процессе изучения количество обнаруженных петроглифов автором данной монографии было увеличено до 176. Некоторые петроглифы были заменены доработанными эскизами фигур [Рис.1, фиг.1,5,7,13,17,23,42, 49] и добавлены новые петроглифы (от 78 фигур до 176). Фигуры 53 и 54 у И.Джафарзаде (№ 3) были заменены на 2 профильные женские фигуры. На этом камне обнаружено и зарегистрировано много клавиформных женских и антропоморфных фигур, изображений охотников, лодок, планы жилищ, фигуры быка и козла.

Основную часть петроглифов I периода – конца верхнего палеолита-мезолита составляют изображения быков в натуральную величину. Изображения быка являются одними из ведущих фигур среди наскальных изображений Азербайджана. Самые древние изображения быков связаны с тотемическими верованиями. Если обратиться к архаической религии, то путь истории древности и этнографии ведет нас к пониманию того, что божества и верования происходят из животного мира. Мы видим, что в архаическом представлении животное имеет то же самое значение, что и человек, но является более священным, более божественным. Животное находится ближе к богу, чем человек. Человек терпит запреты, табу, которые животное никогда не соблюдает. Запре-

ты и табу составляют некое пространство между человеком и божественным миром. Египетское искусство изобилует такими представлениями, и если такое встречается реже в греческом искусстве, то самое меньшее что мы знаем, так это связь их богов с животными – Афина с филином(совой), Диониса с быком, а иногда во время священных церемоний, они надевали маски животных (16, с.164-165). По наскальным изображениям Гобустана можно проследить, что, начиная с ранних этапов образ быка занимает видное место и связан с культовыми верованиями, которые зародились на самых ранних этапах человеческой истории. Этот культ был широко распространен в эпосе средневековых тюркских племен-огузов как родоначальник рода Огуз-кагана и его описывали таким образом: "Его ноги были как у быка, его ляжки как у волка, его плечи были как у медведя. Его называли "бык". Свое начало с быком связывали многие племена: гунны, монголы, буряты. Они считали, что берут начало из рода быка, а рога быка связывали с символом мужества, храбрости и силы (13, с.266-268).

В I-ом периоде рядом с изображениями этих животных очень часто соседствуют профильные женские фигуры. Если обратить внимание на камень 5 на горе Кичикдаш стоянки Гая алты, то можно увидеть, как изображение быка пересекает женские фигуры. В данном случае клавиформные изображения выполнены раньше, чем фигура быка [Рис. 2 а].

Связанные с охотничьим культом изображения быка датируются более поздним периодом и древний охотник обычно изображал их как жертвенных животных (13, с. 265). На скалах Гобустана, в основном, представлен бык - тур *Bos Primigenius Boj*. На некоторых изображениях быков можно заметить выбитые на теле пометки как следы магических действий. Таким образом древний охотник пытался добиться удачной охоты. Культовое значение этих животных подтверждается найденными фигурками с культурных уровней с разных поселений на тер-

ритории Азербайджана. Несколько фигурок быка были также обнаружены с нижних слоев Кура-аракской культуры на одном из древних поселений в Гейтепе (2, s.28, 29).

Интересный сюжет вырисовывается на камне 65 верхней террасы горы Беюкдаш. Данное изображение относится к первому этапу эпохи мезолита. С помощью программы 3DStudioMax удалось восстановить и реконструировать композицию на камне. Плоское изображение превратилось в живое действие: мужская фигура отгоняет быка, а женщины, изображенные в профиль, убегают (может быть с криком) от него как бы отвлекая от фигуры мужчины [Рис.3- а, б; 4]. Идентичные сцены Окладников объясняет следующим образом: «к загонной охоте, требовавшей напряженнейшего участия всех членов племени, имеют прямое отношение сильно стилизованные фигурки женщин (так называемые клавиформы), стоящие по 6-7 человек сбоку от животных. Если мужчины поражали зверей копьями, то женщины должны были быть загонщицами и направлять (огнем, криком и т. д.) добычу в загон или под удары охотников» (10, с.66,97).

Особое место в репертуаре петроглифов Гобустана занимают антропоморные изображения женских фигур. Они являются одними из самых привлекательных образов в наскальном искусстве Гобустана и отличаются многообразием форм, сюжетов и стиля, являясь предметом особого изучения. Они датируются разными периодами. Клавиформные женские изображения выполненные в технике углубленного рельефа как на камне 29 с северной стороны [Рис. 1, фиг. 53, 54, 59-69, 71-77, 113, 114] в основном представлены в первом периоде. Очень часто такого типа изображения встречаются отдельно или же в сочетании с изображением быка в натуральную величину. Логично было бы расценивать рассмотренные изображения в сравнении с изображениями клавиформных фигур на отдельном камне 9В со стоянки Гая арасы [Рис.5]. На более поздних изображениях такие фигуры представляются в сюжетных композициях как на камне 49 на

стоянке Джейранлар и на камне 19 на стоянке Фируз 2 горы Кичикдаш. На этих панелях представлены повествования о жизни и быте древних жителей Гобустана в конце мезолита- начале неолита. На камне 19 стоянки Фируз выразительные силуэты женских фигур и многочисленные изображения лодок являются главными в композиции и гармонично взаимосвязаны с другими фигурами, составляя вместе с ними единое целое в содержании сюжета. Женский образ в данной композиции рассматривается как важная фигура в жизни древних гобустанцев, причем многие фигуры женщины представлены, отображая признаки беременности. Это позволяет говорить о значимости выражения именно материнского начала. Данные петроглифы совпадают с периодом конца мезолита – раннего неолита, когда господствующее положение женщины все еще играло важную роль как культ женщины-матери и хранительницы очага. В современной науке считается установленным, что первоначальный род был всегда материнским, но в одних случаях он сравнительно рано переходил в отцовский, а в других сохранял материнскую форму до начала разложения первобытного общества и позднее (8, т. 2, с.239). Возможно это обстоятельство обусловило широкое распространение в древности различных культов, связанных с образом матери - родоначальницы. Во многих мифологиях мира богиня-мать являлась главным женским божеством. Свое конкретное воплощение образ прародительницы находил в искусстве разных эпох и регионов (7, с.139). Женские изображения могли также служить талисманами, оберегами и использоваться для совершения различных магических обрядов. В южных областях, там, где жили племена, в неолите, были в большей степени распространены культы плодородия, имеющие генетическую связь с материнско-родовым почитанием хозяек и охранительниц домашнего очага, матерей-прародительниц, известным еще в палеолите. Правда, на изображениях конца мезолита и начала неолита образ женщины претерпе-

вают сильные изменения, становясь все более схематичным. Изображения некоторых женских фигур имеют сходство с неолитическими терракотовыми статуэтками из Гаргалартепеси и Шулаверисгора. Они выполнены без головы и рук в полусидячем положении. Археологи связывают образ женской фигурки из Шулаверисгора с идеей плодородия (13, с.222-223).

Предметом особого интереса также являются изображения женских фигур стилистически различающихся друг от друга на камне 19 стоянки Фируз 2 и на стоянке Джейранлар на камне 49 (южная сторона) [Рис.6, 7, 8]. Некоторые из них выполнены в профиль с явно выраженным животом. По всей видимости первобытный художник пытался изобразить беременных женщин. Встречаются также клавиформные изображения. Другой стиль: изображения женских фигур в фас с неопределенными орудиями за плечами. Одни исследователи предполагают принадлежность данного неопределенного предмета к древнему музыкальному струнному инструменту. Другие считают, что это характерное орудие эпохи мезолита - мотыга к концу, которого привязан камень (3, с.61), третьи считают перекинутыми за плечи неопределенные предметы - мифическими орудиями-фетишами, которые, по видимому, использовались в религиозных ритуалах и церемониях (13, с.224). Надо отметить, что некоторые алгонкинские племена Северной Америки, туземцы с островов Фиджи; карены в Бирме, племена оджибе наделяли орудия, утварь и другие предметы душами, вмещали «какого-нибудь благодетельного духа в неодушевленный предмет», считали его за божество и поклонялись ему (13, с.224). Абрамова З.А. по поводу орудий - фетишей отмечает, что загадочные роговые "палки с отверстиями" (les batons percés) считались то жезлами вождей, то выпрямителями копий (4, с. 64-91). Если внимательно изучить изображение подобной фигуры на камне 49 стоянки Джейранлар на горе Кичикдаш, то можно заметить, что на перекинутом через плечо орудии выбиты насеч-

ки по форме напоминающие небольших рыб. Если учесть, что стоянка Джейранлар 7 000 лет назад находилась очень близко к морю и периодически омывалась водами исторического Каспийского моря, то вполне возможно, что на камне изображена охотница, возвращающаяся с рыбного улова с нанизанной на орудие рыбой [Рис. 7].

Изображения женских фигур Гобустана делятся на 4 вида. К первой группе относятся, преимущественно, стилизованные изображения фигур в профиль с легким наклоном вперед с явно выраженными животами и ягодицами [Рис.8; 1: фиг. 66-70]. В большинстве своем это изображения на стенах пещер и памятники искусства малых форм (11, с.99-103). Фигуры с детализированным изображением лица в Азербайджане не встречаются. Для второй группы характерны изображения женских фигур с массивными тучными бедрами, отсутствующими или упрощенными руками и ногами, выделенными грудями [Рис.1: фиг. 28]. Третьи представлены в фас с широкими бедрами, с хорошо развитыми икрами ног выполненные в технике утопленного рельефа. Большинство этих фигур изображены с мифическими орудиями за плечами в специальной одежде. К четвертой группе относятся женские фигуры в профиль с выраженными бедрами и грудью, и татуировкой на теле [Рис.9-в; 1: фиг. 47].

Изображения женщин локализуются только в юго-восточной части Азербайджана - в Гобустане. В других местах приледниковой зоны Азербайджана наскальные изображения человека, относящегося к каменному веку, не найдены. Сюда относятся преимущественно стилизованные, выгравированные в профиль фигуры, как правило, татуированные без головы, с легким наклоном вперед. Обычно головы этих изображений имеют вид удлиненных конических отростков. Удивительно их сходство с палеолитическими «Венерами» Европы. Типичные для этого времени гравюры на камне обнаружены в пещере Ана зага в Гобустане. Здесь, при помощи одной и той же техники,

изображена целая группа клавиформных фигур на камне 29 с северной стороны [Рис.1: фиг. 66-70], которые указывают на сложившийся стиль. Все фигуры изображены в профиль с легким наклоном головы в виде отростков и явно выраженными животами.

В позднепалеолитическом периоде племенное изобразительное искусство создавалось в пещерах, так называемых "святых местах" - углублениях, специально предназначенных для нанесения на стены различных изображений. В Гобустане таких пещер много. В одной из них изображены только татуированные женщины (гора Беюкдаш, верхняя терраса, пещера Ана зага, Едди Гезел), в других - женщины в сочетании с другими объектами (гора Кичикдаш, сочетание изображения женщин и быка), в третьих - беременные женщины (гора Беюкдаш, верхняя терраса, камень №29, 46; восточная сторона, камень №49).

На горе Кичикдаш на стоянке Гаяалты на камне №5 есть изображения женщин, пересеченных изображением быка. Бык выполнен в натуральную величину, женщины изображены в профиль без головы [Рис.2 - а]. Данное изображение находит удивительное сходство с недавно обнаруженными изображениями женских фигур лишенных головы в сочетании с фигурой быка из Гурты (Египет) [Рис.2- б]. Изображения из Гурты датированы приблизительно тем же временем, что и Гобустанские ~ 14 000 ВР (18; 13, 2011). Сравнивая оба изображения можно заметить схожий стиль и тематику. Единственное различие в том, что гобустанские женские фигуры и изображение быка выполнены в одном направлении, а на изображениях Гурты женские фигуры выполнены в направлении навстречу быку. Что касается техники выполнения, то женские фигуры в Гая алты в Гобустане выполнены техникой утопленного рельефа, а женские фигуры Гурты в Египте техникой глубокого вреза. Изображения быков в обоих местах выполнены одинаковой техникой глубокого вреза. Что интересно, Хиге не отрицает возможные связи между такими отдаленными региона-

ми (18; 13). Дальнейшие исследования в этом направлении могут дать интересные результаты.

Иллюстрацией подобных представлений среди петроглифов Средней и Центральной Азии являются мифические сюжеты тотема - прародителя и женщины (14, с.198). Изображения женщины в положении беременности встречаются на многих скальных поверхностях в разных точках мира (15, р.115). Изображения женских фигур в положении беременности в наскальном искусстве Северной Азии многие ученые трактуют по-разному. Так, женские фигуры окуневского периода Хлобыстина интерпретирует как тотемного предка. Как и Хлобыстина, Яков Шер интерпретирует рожавшую фигуру как символ матери-прародительницы. Сравнения из сибирских мотивов западной Азии к изображению рожавшей фигуры выполненной в паре с фигурой быка Шер не приводит и отмечает только разнообразие в сюжетах Ближнего Востока (20, р.413). Изображение рожавшей фигуры в сочетании с изображением животного в реальную величину (як, бык, лось, олень) Яковсон-Темпфер объясняет как символ просьбы (своего рода призыва) плодородия и благополучия в доме, приводя в качестве примера петроглифы эпохи ранней бронзы Цаан Саала из Монголии (20, р. 121-123).

Ко второму периоду петроглифов характерны изображения женских фигур в натуральную величину с массивными тучными бедрами, отсутствующими или упрощенными руками и ногами, выделенными грудями и большими отвислыми животами [Рис. 9]. Такие фигуры можно встретить на верхней террасе горы Беюкдаш на камне 29 с северной стороны [рис.1, фиг.28]. Данная фигура выполнена на камне на самом нижнем горизонте и ее пересекают фигуры охотников. Как видно из изображения данная фигура женщины в положении беременности изрезана зигзагообразным или чешуйчатым орнаментом. Кроме этой фигуры на этом камне обнаружены еще 2 предполагаемые женские фигуры [Рис.1, фиг.103] в натуральную

величину. У обеих фигур нижняя часть туловища утрачена из-за эрозии камня. Одна фигура расположена под хвостом быка №29. Шейный отросток и верхнюю часть груди фигуры пересекает хвост быка. Фигура 28 изображена в положении беременности; верхняя часть живота и грудь высечены линиями, которые образуют видимость чешуйчатых узоров [Рис.1, фиг.101]. Третья фигура как бы окаймляет заднюю часть туловища быка, где хвост быка пересекает изображение женщины. Фигура сохранилась выше пояса. Подобные женские фигуры также обнаружены на камне 42 с восточной стороны в пещере Окюзлер. Здесь также, как и на камне 29 шейный отросток вместо головы у фигуры сливается с нижней частью туловища быка [рис.1]. Фигура изображена в положении беременности. На камне 42 обнаружено еще несколько женских фигур в профиль, выполненные техникой утопленного рельефа. Здесь также зафиксированы татуированные женские фигуры. Предметом особого интереса являются изображения женских фигур в натуральную величину в пещере Ана зага на камне 29 А. Данный камень расположен в юго-восточной части пещеры Ана зага. Эта камера в пещере является одной из самых древнейших мест в Гобустане. Здесь археологами зафиксированы 4 женские фигуры и 1 изображение быка [Рис. 10]. С помощью ночной фотофиксации автору удалось обнаружить пятую фигуру женщины в натуральную величину. Таким образом здесь представлена целая композиция: 4 женские фигуры в положении беременности, следующие друг за другом и одна татуированная, которая изображена чуть дальше от остальных. Вероятно, это одна из самых важных фигур в этой композиции. Татуированная фигура пересекает контуры едва различимой фигуры быка. К сожалению, изображения женщин и быка очень плохо сохранились и при дневном свете неразличимы. Они хорошо просматриваются только с помощью ночной фотосъемки (с помощью света и тени). Татуированные фигуры Гобустана удивительным образом

находят сходство с татуированными фигурами неолитической трипольской культуры кукутени. [Рис.11]. У кукутенских фигурок татуировки на теле означали благополучие засеянного поля (и ребенка во чреве матери), орошение поля дождем (материнское молоко) и общую идею блага, выраженную схожим способом древних охотников Мезинской стоянки на Украине (ромбический узор орнамент, воспроизводящий естественный узор дентина мамонтова бивня). Этот способ мог быть известен трипольцам только при непрерывной традиции ритуальной татуировки. Самые ранние трипольские фигурки датируемые IV тысячелетием до н.э. представляют собой татуированные фигуры с массивными тучными бедрами. Поздние статуэтки, датируемые III тысячелетием до н.э. представляют собой юных девушек с тонкой талией. (12, с.47). Таким образом, на раннем этапе посредством представления массивных зрелых женщин существовало стремление отразить плодовитость, а в более позднее время представление созревших беременных девушек связывалось с сезонностью сельскохозяйственных работ: весна, ещё не вспаханная яровая пашня пахалась в этом году впервые и засеивалась семенами, т. е. переход от ростка к колосу, к зерну, переход к зрелости. По этнографическим записям разных народов до нас дошел большой цикл аграрных обрядов (12, с.47). В этой связи татуированные женские фигуры на камне 78 верхней террасы горы Беюкдаш в пещере Едди Гезель представляют большой интерес и находят некоторое сходство в татуировке "палеолитического" типа с трипольской фигуркой из Кукутен. На груди и животе фигурки даны два взаимосвязанных символа: посередине живота – косо поставленный квадрат, воспроизводящий ромбический узор дентина разделенный на четыре части с точкой-семенем в каждом (12, с.47). Те же узоры прослеживаются на татуированных женских фигурах Гобустана. Эти изображения позднее нашли отражение в глиняных женских статуэтках нагих богинь, найденных на территории поселений и

некрополей античной эпохи Моллаисаклы, Мингечаура, Шемахи и Кабалы. Их талии перехвачены поясом, а шеи разукрашены лепным ожерельем в несколько рядов (13, с.223). Последние исследования показали, что «трипольцы так же, как и их балканские предки, несли в себе материнские генетические линии, характерные для всей земледельческой неолитической ойкумены, уходящие корнями на территорию Малой Азии, прародину европейского сельского хозяйства... Таким образом, на сегодняшний день можно сделать вывод, что генетическая палитра трипольского населения Подолья состояла из земледельческих элементов и автохтонных генов, которые относятся к местным генетическим линиям донеолитического происхождения» (9). В некоторых районах Азербайджана традиция главенствующего положения женщины-матери в семейном сообществе сохранилась до наших дней. Так, например, в семье ей доверялось хранение продуктов и контроль за раздачей еды. Мать в большой семье распределяла обязанности между невестками и дочерьми. К ней приходили за советом, в решении разных вопросов последнее слово было за матерью семейного сообщества. После смерти главы семьи, руководство над семьей переходило к матери. Иногда часть своих полномочий главенствующая мать передавала старшей невестке (1, с.301). Другой обряд, сохранивший отголоски материнского рода заключался в том, что женщины селения выбирали из своей среды «шаху». «Шаха» наделялась особыми полномочиями и обладала властью разрешать различные вопросы, разногласия и споры в селе. Кроме этого, существовала своеобразная вера в «ал-анасы», которая была распространена далеко за пределами Закавказья и играла в судьбе женщины важную роль. В суевном представлении курдянок, а также представительниц других районов Азербайджана высокая рыжеволосая женщина обладала чудовищной и злой силой, которая у сельчан вызывала благоговейный ужас (5, с.165-166). Также известно, что у народов Древнего Востока

главным персонажем культа плодородия была Великая Мать. Мифологический образ женщины в ритуальных одеяниях на Древнем Востоке нашел отражение в различных памятниках искусства. Большой интерес представляет изображение матери-прародительницы в Дагестане в Харитани-1 (7, с.140, рис.120). Здесь представлена женская фигура схожая с изображением на камне 29 с восточной стороны горы Бейюкдаш в пещере Ана зага. Ряд подобных многоярусных фигур встречаются на наскальных изображениях Гобустана (13, с.283, фиг.26). Подобные фигуры на стеновых росписях Чатаал – Хююк в Малой Азии, на скалах Бижиктиг-Хая в бассейне реки Хемчик, Монголии, бассейна Среднего Енисея и Алтая некоторые исследователи связывают с мифологическими образами матерей-родоначальниц (7, с.141-143). Орнаментированные женские фигуры нам известны с палеолитических стоянок Геннесдорфа, гравировка клавиформных женских фигур на камне с Недерберкер II в Германии, многочисленные изображения и фигуры малых форм, выполненные на кости, рогах животных и стенах пещер Франции (22, с.233,255,331,354,355).

Список использованной литературы:

1. Azərbaycan etnoqrafiyası. III cilddə. II cild, Qəzənfər Rəcəbli, "Ailə", с.297-307, 381 s. "Şərq-Qərb" 2007
2. İsmayılova Ş.H. "Urmiyanın tunc dövrügil fiqurları./ Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası Bakı: 2006 s. 28-29.
3. Rüstəmov C. Qobustan dünyası, Bakı: Azərənşir, 1994, 173.s.
4. Абрамова З. А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.: Л., 1966, 312 с.
5. Алекперов А.К.. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. АН АзССР. «Баку», 1960, 261 с.
6. Джафарзаде И. М. Гобустан. АН Азерб. ССР, Институт Истории, Баку: «Елм», 1973, 347 с.

7. Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Мифы в камне. Москва: «Алтейа», 2005, 471 с.
8. История первобытного общества, в 3-х томах; Ответ.ред. В.Бромлей, Москва: Наука, 1983-1988, т. 2, 549 с.
9. Никитин А. Г. Генетические корни трипольцев: что мы узнали после восьми лет исследований (Аллендейл, США). // *Stratum-plus*. 2014. №2.
10. Окладников А. П. Утро искусства. 1967, Ленинград: "Искусство", 1967, 135 с.
11. Рустамов Д.Н. Наскальные изображения Гобустана / Проблемы изучения наскальных изображений. Институт археологии АН СССР, Москва, 1990, с. 99-103
12. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян / М.: Издательство 'Наука', 1981 г. Академия Наук СССР, Отделение истории. Институт археологии, Москва: Наука, 1980, 640 с.
13. Фараджева М. Наскальная искусства Азербайджана. Баку: «Aspoliqraf», 2009, 319 с.
14. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. // Москва: 1980. 328 с.
15. Anati E. World Rock Art. 1994. The Primordial Language. StudiCamuni. Vol.XII. p.47.
16. Bataille G. The Cradle of Humanity. Prehistoric Art and Culture. Oxford-Sackler Library. Zone Books-New York, 2005, с.172.
17. Flood J. Rock Art of the Dreamtime. Images of Ancient Australia. Sydney: Angus&Robertson, 1997, 378 p.
18. Huyge D., 2013. "Ice Age" art at Qurta. *Ancient Egypt Magazine*, 13 (5)
19. Huyge D., Vandenberghe D.A.G, De Dapper M., Mees F., Claes W., Darnell J.C., 2011. First evidence of Pleistocene rock art in North Africa: securing the age of the Qurta petroglyphs (Egypt) through OSL dating, *Antiquity*, 85, 1184-1193.
20. Jacobson-Tepfer E. The Hunter, the Stag, and the Mother of Animals. Oxford University Press. 2015, 413 p.
21. R.Dale Guthrie. The Nature of Paleolithic Art. The University of Chicago Press, Chicago&London, 2005, 520 p. (Oxford, Sackler library).
22. The Archaeology of Rock – Art. 1998. Ed. By Christopher Chippindale and Paul S.C.Taçon. Cambridge University Press, 373 p. (Oxford Libraries, 2006).

Подписанные подписи

1. Гора Бююкдаш, пещера Ана зага, Камень 29 (северная сторона). Разделение петроглифов по периодам.
2. а - Гора Кичикдаш. Стоянка Гаяалты, камень 5. Изображение быка пересекает женские фигуры.
в – Гурта, Египет. Изображения быка и женских фигур.
3. Гора Бююкдаш, верхняя терраса, камень 65.
4. 3Д модель изображения на камне 65 верхней террасы горы Бююкдаш.
5. 3Д модель отдельного камня 9В со стоянки Гая арасы.
6. Гора Кичикдаш, стоянка Фируз 2. Камень 19. Новые изображения лодок.
7. Гора Кичикдаш, стоянка Джейранлар, камень 49(южная сторона). Изображение охотницы, возвращающейся с рыбного улова с нанизанной на орудие рыбой.
8. Гора Кичикдаш, стоянка Джейранлар, камень 49(южная сторона). Изображение женской фигуры в положении беременности.
9. Гора Бююкдаш, верхняя терраса: а-пещера Ана зага, камень 29(северная сторона), изображения женских фигур; в – пещера Едди Гезель, камень 78, изображения татуированных женских фигур в сочетании с быком.
10. Пещера Ана зага, камень 29А. Женские фигуры в профиль с выраженными бедрами и грудью (одна фигура с татуировкой на теле). На левом снимке обнаружена новая женская фигура.
11. Татуированная фигура трипольской культуры кукутенэпохи неолита.

Xülasə

Mələhət Fərəcova

Qobustan petroqliflərinin mədəni – tarixi interpretasiyası məsələsinə dair

Açar sözləri : Qobustanın petroqlifləri, Anazağa mağarası, Böyükdaş, Kiçikdaş.

Azərbaycanın petroqliflərinin mədəni-tarixi təfsiri xüsusi bir araşdırma predmetidir və bu istiqamətdə bir çox yazılar nəşr olunur.

Hər bir tədqiqatçı şəkillərin təfsirinə fərdi olaraq yaxınlaşdığı üçün petroqliflərin təfsiri həmişə mübahisəli bir mövzu olmuşdur. Buna görə də, Azərbaycanın petroqliflərinin təfsiri haqqında bəzən bir-birinə zidd olan müxtəlif fikirlərə rast gələ bilərik.

Qobustanda üslubun və dövrlərin dəyişməsi xüsusən Böyükdaş dağının yuxarı terrasındakı 29 nömrəli daşın şimal hissəsində özünü göstərir.

Böyükdaş dağının üst terrasındakı 65 nömrəli daşda maraqlı süjet nəzərə çarpır. Bu şəkil Mezo-lit dövrünün ilk mərhələsinə aiddir. 3D Max Studio proqramı vasitəsilə daş üzərində kompozisiyanın bərpası və yenidən qurulması mümkün oldu. Səthi görünüş canlı hərəkətə çevrildi: kişilər öküzü qovurlar və profildən təsvir edilmiş qadınlar (qışqırıqla) öküzdən onun fikrini yayındıraraq qaçırarlar.

Qadın təsvirləri yalnız Azərbaycanın cənub-şərq hissəsində - Qobustanda lokalizə olunur.

Petroqliflərin ikinci dövründə qadın təsvirləri üçün natural ölçüdə, böyük ombaları, qabardılmış sinələri, əllər və ayaqları olmayan şəkildə çəkilmiş təsvirlər xarakterikdir. Qobustanın döyməli təsvirləri Kukutenanın Neolitik Tripol mədəniyyətinin döyməli fiqurları ilə bənzərlik tapır.

Beləliklə, Qobustanın qədim ovçularının ən böyük maraq dairəsini incəsənətlərinin əsas mövzusu olan ovladıqları heyvanlar və qadınlar təşkil edirdi. Digər hər şey ikinci planda qalırdı. Heyvanlar onların həyatında o qədər mühüm iqtisadi amil idi ki, hətta onların həyat tərzlərinə belə təsir göstərirdi və xüsusi sehirli ov kulturlarının yaranmasına səbəb olurdu.

Summary

Malahat Farajova

To a question of cultural and historical interpretation of petroglyphs of Gobustan

Keywords: Gobustan petroglyphs, Ana zaga cave, Beyukdash, Kichikdash.

Cultural – historical interpretation of petroglyphs of Azerbaijan is a subject of a special research and many publications are published in this direction.

Interpretation of petroglyphs was always a debatable subject in view of the fact that each researcher took an independent stand and individually approached interpretation of images. Therefore, about interpretation of petroglyphs of Azerbaijan there are different opinions sometimes contradicting each other.

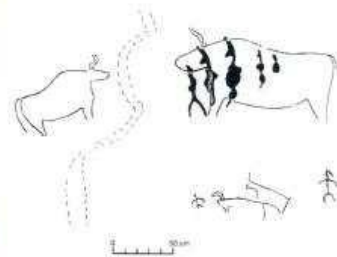
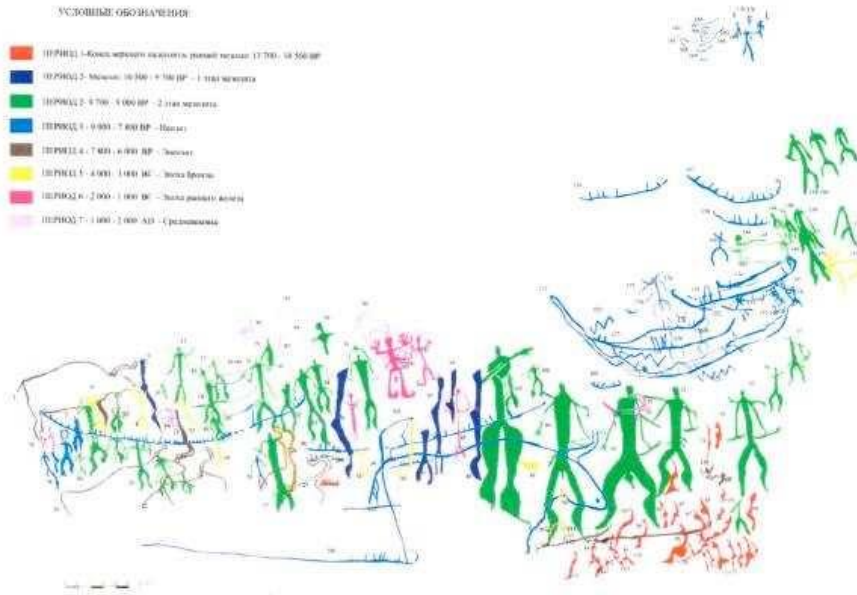
In Gobustan change of styles and the periods is especially brightly shown on the top terrace of Boyukdash Mountain on a stone 29 from North side.

The interesting plot appears on a stone of the 65th on top terrace of Boyukdash Mountain. This image belongs to the first stage of an era of Mesolithic. By means of the Max 3D Studio program, it was succeeded to restore and reconstruct composition on a stone. The flat image has turned into live action: the men's figure drives away a bull, and the women represented in a profile run away (can be with shout) from him kind of distracting from the man's figure.

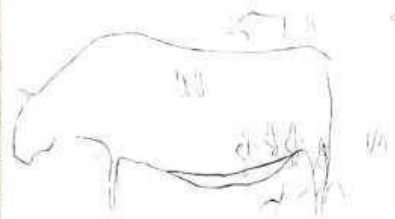
Images of women are localized only in a southeast part of Azerbaijan - in

By the second period of petroglyphs images of female figures full-scale with the massive corpulent hips which are absent or simplified by the hands and legs allocated with breasts and big pendulous bellies are characteristic. The tattooed figures of Gobustan wonderfully find similarity to the tattooed figures of Neolithic Trillian culture of a Kukutena. On ethnographic records of the different people, we were reached by a big cycle of agrarian ceremonies.

Thus, for ancient hunters of Gobustan animals whom they hunted and the woman made the greatest interest, were the main subject of their art, all the rest faded into the background. Animals were such important economic factor in their life that even lives have affected their way and have led to emergence of special hunting magic cults.

a

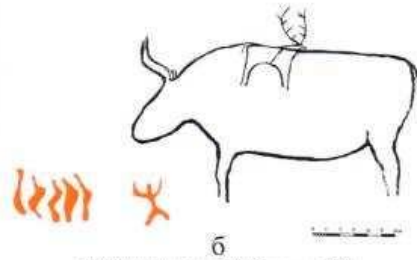
b

Fig. 19

а

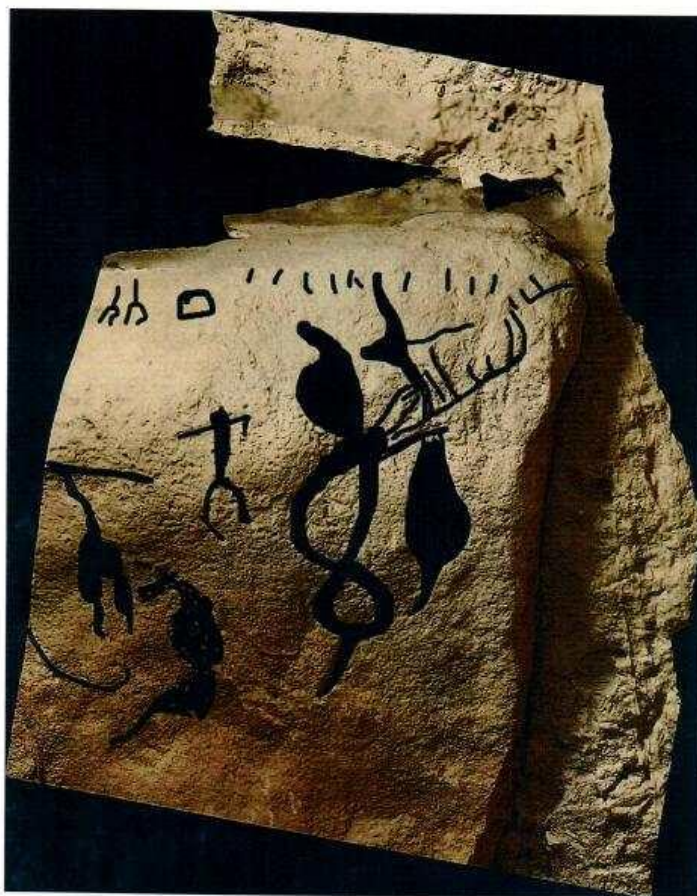
Гора Белокапи; камень 65(И. Джафарова, 1973)

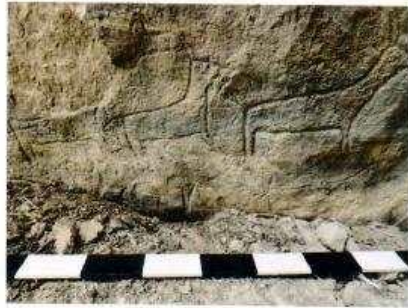
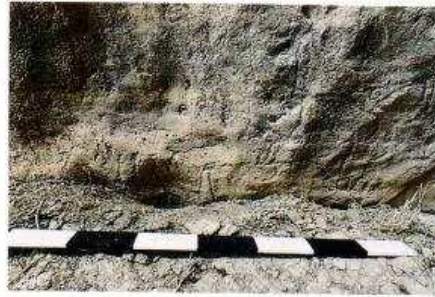

б

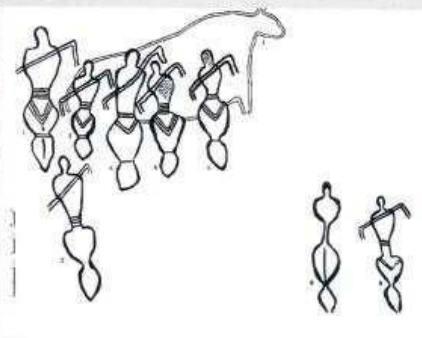
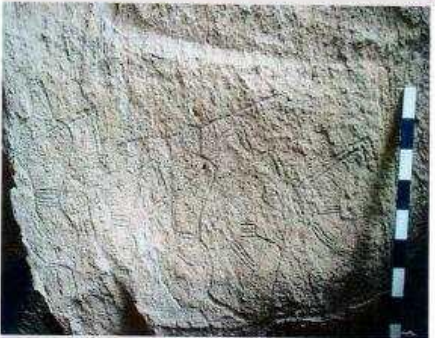
Гора Белокапи; камень 65(М. Фаралъева, 2005)

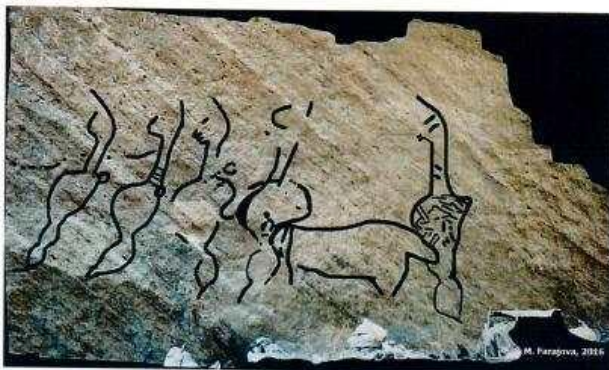

a

b

С.Раданов, 2006

Nəşriyyatın direktoru: *Hafiz Abiyev*

Kompüter tərtibçisi: *Rəvanə İlmanqızı*

Formatı: 60x84 ¹/₈. Həcmi: 24,75 ç.v. Tirajı: 400 nüsxə.
Sifariş №. Qiyməti müqavilə əsasında.

"Elm" nəşriyyatının mətbəəsində çap edilmişdir.
(İstiqlaliyyət, 28)